

Иркутск: люди и годы

ПОЖАЛУЙ, не каждый иркутянин с ходу назовет пару-тройку фамилий иркутских градоначальников, стоявших во главе Иркутска два – три века назад. Зато тех, кто уже успел познакомиться с информационным плакатом «Городские головы Иркутска», изданным клубом молодых ученых «Альянс», подобный вопрос не загонит в тупик.

Краеведение для молодых историков, создавших собственный клуб, представляет особый интерес. Об этом свидетельствуют, в частности, постоянные исследования истории выборов, становления местного самоуправления. И, конечно, самым пристальным образом изучаются биографии иркутян, имена которых остались в истории города. С результатами своего поиска, что особенно важно, активисты «Альянса», постоянно знакомят широкий круг горожан, используя для этого разные способы – от публичных лекций до тиражирования любопытных фактов иркутянской старины.

И вот только что по инициативе клуба издан типографским способом тиражом в тысячу эк-

земпляров красочный плакат, посвященный знатым иркутянам. В нем представлены фотографии 14 иркутских градоначальников, возглавлявших Иркутск в разные периоды XVII–XX веков. Снимки сопровождаются краткой биографической справкой. Сведения приводятся лаконичные, но весьма любопытные, проливающие свет на различные страницы иркутской истории. Вот лишь некоторые факты из биографий иркутских градоначальников.

Евфимий Кузнецов (1783–1850 гг.). Щедро тратил деньги на благотворительность. Финансировал строительство Девичьего института Восточной Сибири, Кузнецовской больницы, Казанского кафедрального собора.

Иван Медведников (1807–1889 гг.). Один из основателей и попечителей сиропитательного заведения им. Медведниковой.

Василий Баснин (1799–1876 гг.). Его дом являлся одним из центров культурной жизни Иркутска. Собирает книги, часть коллекции хранится в редком фонде библиотеки ИГУ.

Иван Хминов (1817–1884 гг.). Щедро жертвовал на начальное образование. В здании,

построенных для хаминских училищ, располагается школа № 71, школа-интернат для инвалидов и другие учреждения.

Сергей Трапезников (1842–1893 гг.). Первый руководитель Иркутского пожарного общества. Лично участвовал в тушении пожара 1879 г. со своей пожарной машиной.

Дмитрий Демидов (1827–1888 гг.). Уделял большое внимание начальному образованию. Учредил санитарный совет. В 1884 г. провел однодневную перепись населения.

Владимир Сукачев (1849–1919 гг.). Благодаря его стараниям было построено четыре каменных здания для восьми начальных училищ. Открыл в собственном доме первую в Сибири картинную галерею.

Болеслав Шостакович (1845–1919 гг.). Открыл памятник Александру III. Дед известного композитора Д. Д. Шостаковича.

Иван Исцеленов (1857–1916 гг.). Представлял новый тип городского головы, отличающийся профессионализмом и деловыми отношениями с главой губернии и депутатами Государственной Думы.

Константин Жбанов (1867–1942 гг.). Активный сторонник начального образования. При нем появились первые общественные туалеты.

Павел Зицерман (1883–1942 гг.). Активный сторонник открытия в Иркутске университета. При советской власти – заместитель ректора Восточно-Сибирского педагогического института народного образования, декан факультета общественных наук Иргосуна.

Это лишь часть любопытных фактов, собранных составителями. Плакат, выполняя свое информационное предназначение, приводит и другие сведения о знатных иркутянах, а венчает его календарь с хронологическим перечнем фамилий иркутских градоначальников. В нем значатся свыше тридцати имен.

Значит, мы вправе ждать продолжения полезного проекта молодых историков «Альянса», получивших поддержку Губернского собрания общественности. Будем надеяться, что активисты-историки порадуют иркутян новыми популярными изданиями, посвященными памятным местам Иркутска и нашим знатым землякам.

«ПРОЩАНИЕ славянки»... Так откликнулась душа молодого штаб-трубача 7-го кавалерийского полка Василия Агапкина на борьбу сербов против османского ига. Этот марш прогремел на перронах тамбовского вокзала в 1912 году и с тех пор не смолкает ни на парадах, ни на проводах в бой, ни в душах старых солдат.

Последний раз я слышал его в Кремлевском концертном зале на празднике 300-летия Российского флота. Новые слова старого марша пела – и как пела! – замечательная русская певица Татьяна Петрова. Зал встал. По щекам ветеранов текли слезы. Плакали крепкие люди – бывшие моряки. Плакали от гордости за былые походы и от обиды за поруганную армию, за ржавеющие у причалов корабли, за эскадры мертвых подводных лодок, выброшенных на осушку, за полчища общедоен... А марш звучал отчаянно, бесстрашно, грозно и грустно...

Мне посчастливилось держать в руках инструмент – серебряный корнет-а-пистон – на котором этот марш был впервые сыгран автором. Дочь Василия Агапкина достала его с антресолей квартиры на Садовом кольце и доверила мне семейную реликвию на несколько дней.

хвачены были и унесены на всю жизнь в музыкальную стихию и тогдашний главный военный дирижер оркестров Советской Армии генерал-майор Назаров, и основатель Ансамбля песни и пляски Советской Армии композитор Александров. Да и, пожалуй, редкий военный музыкант не признается в том, что именно в такой миг и посчитал он, что самая прекрасная в мире профессия – трубач, шагающий впереди воинского строя. С семи лет и до последнего, 80-го года жизни не изменил этому убеждению Василий Агапкин.

Самая звонкая труба – корнет-а-пистон

Мачеха привела крестьянского паренька в батальонный оркестр, и Вася получил самую маленькую, но самую звонкую трубу – корнет-а-пистон. Вот послужной список юного музыканта: «1894–1899 – воспитанник оркестра 308-го пехотного батальона в городе Астрахани. 1900–1901 – 82-й пехотный Дагестанский полк в Грозном. 1901–1905 – 45-й драгунский Сиверский полк в Александрополе. 1905–1910 – 43-й Тверской полк».

«Звездный час» жизни Агапкина в 7-м запасном кавалерийском полку, квартировавшем в Тамбове. 14 лет службы в военных оркестрах, занятия в Тамбовском музыкальном училище вполне подготовили 28-летнего штаб-трубача к тому, чтобы сочинять сносные марши, мазурки, вальсы. Но для создания шедевра – а марш «Прощание славянки», бесспорно, таковым является – нужно было нечто такое, что позволило, например, французскому инже-

Василий Агапкин. Фото начала XX века

Поразительно, но в той квартире, где до 1963 года жил Василий Иванович Агапкин, еще распевала канарейка, которую он любил слушать.

Музыканты вообще любят певчих птиц, но здесь, хочется думать, птица была несчастная.

Соловей, соловей, пташечка. Канареечка жалобно поет...

Быть может, именно с этой песней шел по проселку в летние лагеря 308-й пехотный батальон, и выбежавший ему навстречу семилетний парнишка остолбенел: солдаты в белых рубахах, длинные штаны, песня и музыканты, перехваченные ослепительными витками духовых инструментов.

Сколько их было во все времена, таких вот мальчишек, чьи будущие судьбы решались тут, на обочинах дорог, в золотых отблесках труб, под вычеканенные солдатским шагом аккорды... Именно так, с придорожья за-

неру капитану Руже де Лиллю в одну ночь написать бессмертную «Марсельезу». Нужны были взрыв, душевное потрясение; необходимо было всенародное событие, счастье разрядившее бы предельно сжатые творческие силы музыканта.

Видимо, с Агапкиным подобное случилось в октябре 1912 года, когда до Тамбова докатилась газетная весть о том, что балканские славяне начали освободительную войну против пятисотлетнего османского ига. Они и сейчас еще волнуют – эти пожелтевшие газетные строки: впервые с 1403 года, года первого восстания против турецкого ига, болгары, сербы, греки, черногорцы были так близки к победе. За какой-нибудь месяц войска славян дошли до предместий Стамбула. В России ликование: пожертвования, молебны, толпы добровольцев.

«Прощание славянки»

О судьбе легендарного марша и его создателя

Когда-то Чайковский написал по случаю русско-турецкой войны 1877 года «Славянский марш», который, по его собственному признанию, «публика принимала с большим подъемом». Тот же благородный порыв, сроднивший композитора с мировым именем и безвестного кавалерийского трубача, заставил Агапкина просиживать ночи у рояля. Марш родился на фортепьянных струнах, был опробован на трубе и впервые грянул в Тамбове на параде 7-го кавалерийского полка.

Со слов родных Василия Ивановича известно лишь, что написанный марш был не сразу; рождающаяся мелодия не давала ему спать по ночам; работал он долго, мучительно, замкнуто.

Вот, пожалуй, и все, что знаем мы сегодня о том, как создавался знаменитый марш. Сохранилась фотография, запечатлевшая автора «Прощания славянки» в достопочтенном для него 1912 году, и кратко предисловие, сделанное его рукой в шестидесятых годах незадолго перед смертью: «Марш написан мною по поводу балканских событий 1912 года. Он посвящается всем славянским женщинам».

Звездный час штаб-трубача

В 1915 году, когда войска кайзера повели наступление на Варшаву, капельмейстер Агапкин написал грустный вальс «Стон Варшавы», будто предсказывал в музыке печальную судьбу польской столицы на четверть века вперед. Да и самому ему пришлось наступать на Варшаву, только с востока, спустя всего пять лет...

В 1918 году Агапкин был призван в Красную армию. Но марш его гремел и в белых, и в красных полках. Он оказался неделимым. Под его мужественные ругальщицы Фрунзе, и добровольцы-корниловцы, железная дивизия Щорса и бойцы Колчака... Ведь

и тех, и других проводил к смерти русский славянки.

Василию Агапкину довелось воевать в конных порядках красного гусарского полка (был такой на Западном фронте). К счастью, свалила его не пуля – тиф. И после изнурительной болезни маршировавшего взвода трубачом был отпущен на поправку в родной Тамбов. Там из огня угодил в полинья: по всей округе полыхал крестьянский мятеж Антонова. Агапкин был мобилизован в войска ОГПУ, которые подавляли восстание. Но, слава Богу, стрелять по своим землякам ему не пришлось. Как отменного специалиста военно-оркестрового дела, его вскоре отозвали в Москву.

Ровная стопка почетных грамот, дипломов, нардиси на именных часах, портсигаре за безуречную службу объясняют, как и почему Агапкину был доверен дирижерский пульт образцового оркестра НКГБ. Еще один любопытный документ – приглашение коменданта Московского Кремля в комиссию по совершенствованию музыкального боя часов Спасской башни. Перезвон главных курантов страны настроен по слуху автора марша «Прощание славянки»...

Пожилые москвичи, наверное, помнят предвоенные концерты духового оркестра в саду «Эрмитаж». Седой, подтянутый человек взмахивал дирижерской палочкой ровно в такт, как по первым трубным звукам местные жители проверяли часы. Вальсы сменяли мазурки, марши... Но вот кто-то из завсегдаевок парка выкрикивал из толпы слушателей: «Славянку!» – один из немногих оставшихся в Москве оркестрантов – был вызван к Буденному.

Василий Агапкин. 1950-е годы

свой коронный номер – марш «Прощание славянки» под управлением автора.

На историческом параде 41-го года

За спиной тридцать лет военной службы, большое хлопотливое дитяще – образцовый оркестр, сотни концертов, ученики, благодарные слушатели... Дружья, одноклассники в большинстве своем – уже пенсионеры. А он, Агапкин, не спешил опускать дирижерскую палочку, будто-то предчувствовал, что главный его капельмейстерский выход еще впереди.

Случай оказался справедливым. Вряд ли преднамеренным было то, что в канун исторического парада 1941 года именно дирижер оркестра отдельной моторострелковой дивизии имени Дзержинского военинтендант 1 ранга Агапкин – один из немногих оставшихся в Москве оркестрантов – был вызван к Буденному.

«Прощание славянки». Художник К. А. Васильев

Особая сложность доверенного дела состояла в том, чтобы за считанные дни из музыкантов, собранных на скорую руку, из разных частей, сколотить добротный сводный оркестр, причем в обстановке полной секретности предстоящего парада. В самое утро 7 ноября грянул неожиданный мороз и, к величайшему волнению дирижера, выяснилось, что клапаны труб стали подмерзать. Трубы отогревали под шинелями уже на самой Красной площади. И не было никакой гарантии, что в нужный момент инструменты не откажут. О том, что было дальше, можно рассказать словами самого Агапкина: «Раздалась команда командующего парадом «Смирно!». По исполнительской команде «Марш!» я дал знак играть марш «Парад». Звук марша точно совпал с первым шагом под левую ногу передней шеренги. (Этот момент самый нервный для дирижера). Оставалось еще одно опасение – не отказали бы играть инструменты. Я напряженно наблюдал за проходившими частями, не идет ли какая из них под правую ногу. Нет! Все в порядке. Было особенно страшно, когда оркестр переходил с марша на марш. Так как изменение звука и характеристики новой темы могло сбить движение и некоторые солдаты могли инстинктивно сменить ногу. Но этого не случилось. Стрелковые части прошли, пора было отводить оркестр к ГУМУ, чтобы дать место кавалерии. Я хотел было шагнуть со своей подставки, а ноги не идут. Они примерзли к помосту. Я попытался шагнуть более решительно, но проклятая подставка застряла и пошатнулась. Ну, думаю, беда. Сейчас я упаду, и враг будет злорадствовать, что на параде большевиков капельмейстер так перестарался, что даже свалился с «вышки».

Что делать? Прохождение пехоты уже заканчивается. Задержу кавалерию, получится заминка, а я не могу даже крикнуть – губы замерзли, не шевелятся. Жестом никого не подзовешь: любой мой взмах на виду у всего оркестра может быть истолкован как дирижерский приказ. Спаси себя капельмейстеру Стейскалу. Он догадался и быстро подбежал к подставке. Я нагнулся, рукой оперся на его плечо и отодрал ноги от подставки».

Проходившие части были одеты в боевую, походную форму. На суровых лицах одна мысль – «стоять насмерть». А потом грянуло «Прощание славянки».

Видно, с Агапкиным подобное случилось в октябре 1912 года, когда до Тамбова докатилась газетная весть о том, что балканские славяне начали освободительную войну против пятисотлетнего османского ига. Они и сейчас еще волнуют – эти пожелтевшие газетные строки: впервые с 1403 года, года первого восстания против турецкого ига, болгары, сербы, греки, черногорцы были так близки к победе. За какой-нибудь месяц войска славян дошли до предместий Стамбула. В России ликование: пожертвования, молебны, толпы добровольцев.

Видимо, с Агапкиным подобное случилось в октябре 1912 года, когда до Тамбова докатилась газетная весть о том, что балканские славяне начали освободительную войну против пятисотлетнего османского ига. Они и сейчас еще волнуют – эти пожелтевшие газетные строки: впервые с 1403 года, года первого восстания против турецкого ига, болгары, сербы, греки, черногорцы были так близки к победе. За какой-нибудь месяц войска славян дошли до предместий Стамбула. В России ликование: пожертвования, молебны, толпы добровольцев.

Видно, с Агапкиным подобное случилось в октябре 1912 года, когда до Тамбова докатилась газетная весть о том, что балканские славяне начали освободительную войну против пятисотлетнего османского ига. Они и сейчас еще волнуют – эти пожелтевшие газетные строки: впервые с 1403 года, года первого восстания против турецкого ига, болгары, сербы, греки, черногорцы были так близки к победе. За какой-нибудь месяц войска славян дошли до предместий Стамбула. В России ликование: пожертвования, молебны, толпы добровольцев.

Во главе 1000-трубного оркестра

В середине шестидесяти годов по телевидению демонстрировался многосерийный фильм «Летопись полувека». В ленте «Год 1945» друзья и родственники Агапкина увидели на экране знакомую прямую фигуру в белом кителе. Она промелькнула лишь на мгновение в кадрах хроники,

посвященных параду Победы. Судьба снова выказала свою справедливость к старому музыканту – полковник Агапкин вместе с генералом С. Чернецким управлял тысячетрубным оркестром с того самого места, где в 1941 году состоялась вторая историческая премьера его марша. По его команде сотня фанфаристов подала сигнал к началу парада: «Слушайте все!»... Сталин стоял на трибуне Мавзолея. Спустился восьмью ступенями, когда его хоронили, и вороные кони тащили орудийный лафет с гробом вождя, перед сводным оркестровым батальоном стоял снова полковник Агапкин. Над взмахом его палочки слышался марш «Прощание славянки». И гимн Советского Союза.

У каждой войны есть свой музыкальный символ. Русско-японскую войну 1904–1905 гг. печально знаменует вальс-реквием «На сопках Манчжурии». Пламенным гимном Великой Отечественной войны стала песня «Вставай, страна огромная». Марш «Прощание славянки» обычно связывают с Первой мировой войной.

Марш Агапкина как и всякий шедевр, счастливо пережил свое время и теперь навечно зачислен в арсенал отечественной духовой музыки. Наверное, потому что всегда в искусстве тема прощания с домом, с Родиной людей, уходящих на трудное опасное дело, верящие в его правоту и победу.

Чистая, единого дыхания, мелодия

Старым маршам присуща особая задушевность. Но многие из них слышатся сегодня с легкой улыбкой: слишком уж старается тамбур-мажор, слишком уж напыщенны ругальщи валторн, напоминающие султаны на касках лейб-гвардии... Произведение же Агапкина на подобном фоне разительно отличается суровой сдержанностью, строгой интонацией, чистой, единого дыхания, мелодией. Написанный под шаг походного солдатского строя, под перестук эшелонных теплушек, марш «Прощание славянки» не выбивается из ритма и сегодня под грозный гул танковой колонны или ракетного поезда.

Впрочем, марш этот давно уже вышел из сферы военной жизни. Им встречали и провожали в не столь давние времена китобойные флотилии и транскеанские лайнеры, эшелоны с целинниками и студенческими стройотрядами, под него уходили пассажирские поезда из Бреста и Севастополя... Он и сегодня гремит в дни народных гуляний и на торжественных концертах, звучит с грампластинок и магнитных лент.

Имя автора забывается лишь в двух случаях: либо когда произведение его серо, либо когда оно приобрело такую популярность, что его начинают считать народным творением. Последнее случилось с маршем Агапкина...

В 1963 году полковник в отставке Василий Агапкин скончался. Прах его покоится на Ваганьковском кладбище. На сером надгробном камне золотом выбиты первые три такта «Прощания славянки».

Николай Черкашин, stoletie.ru